

Иванова Елена Анатольевна

старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Академии экономической безопасности
МВД России
dom-hors@mail.ru

**ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Аннотация:

В статье проведен краткий анализ уголовно-правовых норм, устанавливавших ответственность за преступления, совершенные при осуществлении уголовного судопроизводства, в досоветский период российского государства. Данные нормы были своеобразной гарантией соблюдения порядка уголовного судопроизводства. Знание особенностей генезиса уголовного законодательства в этой части позволяет более глубоко понимать сущность действующего уголовного закона, в частности гл. 31 УК РФ (Преступления против правосудия).

Ключевые слова:

уголовно-правовые нормы; уголовное судопроизводство; правосудие.

Ivanova Elena Anatolievna

senior teacher of chair criminal proceedings,
Academy of economic security of
Russian Interior Ministry
dom-hors@mail.ru

**ABOUT THE OFFENSES
IN CRIMINAL PROCEEDINGS
UNDER THE CRIMINAL LAW OF
PRE-SOVIET PERIOD**

Summary:

The article gives a brief analysis of the criminal law, fix the responsibility for the crimes committed in the exercise of criminal justice in the pre-Soviet period of the Russian state. These rules have been a kind of guarantee for order criminal proceedings. Knowledge of the characteristics of the genesis of the criminal law in this part allows a deeper understanding of the nature of the criminal law, in particular Ch. 31 of the Criminal Code (offenses against justice).

Keywords:

criminal law, criminal proceedings; justice.

«История развития общества являет собой одновременно и поиск действенных механизмов обеспечения защиты прав человека в его вечном споре с властью, с ее произволом» [1, с. 84]. Уголовно-правовые нормы об охране тех или иных прав человека в сфере судопроизводства, послужившие прообразом ныне действующих правовых норм, появились уже достаточно давно.

Первым законодательным источником российского уголовно-процессуального права называют Русскую Правду, и уже тут обнаруживаются упоминания о процессуальных нарушениях в сфере судопроизводства. В Русской Правде говорится «о превышении служебных полномочий» общинного суда перед судом княжеским (ст.33). Здесь же содержатся санкции за физическое насилие в отношении смерда, огнищанина, тиуна или мечника без разрешения князя. В статье 38 ограничивается право на самочинную расправу – убить вора (татя) можно только ночью и нельзя лишить жизни связанного. Пространная редакция Русской Правды говорит о незаконном обвинении в совершении преступления, причем имеются в виду любые, в том числе и неумышленные действия обвинителя, а также добросовестное заблуждение.

Ст. 26 Новгородской судной грамоты (1471 г.) запрещает брать взятки (посулы) и решать дела по дружбе. Сходный запрет содержится в ст. 4 Псковской судной грамоты (1467 г.). В Новгородской судной грамоте оговариваются не только сроки ведения различных дел, но и предусматривается ответственность должностных лиц за их нарушение. Категорически запрещается произвол, самосуд, расправа со стороны судебных чиновников (волостеля, посленика), доставляющих в суд обвиняемых. Кто же совершал такие действия, сам попадал под суд (например, по ст. 36 Новгородской судной грамоты). Устанавливалась ответственность за вымогательство взятки (посула) волостелем, отнявшим у стороны в процессе одежду или коня. В случае обращения в суд с иском волостель отвечал за свои действия как за грабеж.

Судебники 1497 г. и 1550 г. устанавливали ответственность за вынесение судьей неправоудного решения вследствие получения взятки. В этом случае судьи несли имущественную и уголовную ответственность. На них лежала обязанность возместить истцу сумму иска и все пошлины в троекратном размере. Надо отметить, что Судебник 1550 г. проводил четкую грань между указанным должностным преступлением и добросовестным заблуждением, ошибкой

судьи. И если неверное решение вынесено судьями «бесхитростно», то есть вследствие добросовестного заблуждения, ошибки или неопытности, ответственности не наступало (ст. 2). При этом ошибочное решение аннулировалось, а стороны получали право на пересмотр дела.

Ст. 70 Судебника 1550 г. называла незаконными арест и наложение оков на лицо, нуждавшееся в поручительстве, без решения выполнявшего судебные обязанности городского приказчика и бывших на суде наместника как представителя посада, а также представителей уездного дворянства в лице дворского, старосты и целовальника. В случае подачи родственниками такого арестованного судебным представителям жалобы на незаконный арест арестованный освобождался под поручительство родственников. Таким образом, поручительство выступало средством обеспечения прав обвиняемого. Виновные в незаконном аресте лица наказывались денежным штрафом, размер которого зависел от сословной и служебной принадлежности, и возмещением в двойном размере причиненного ущерба. По Судебнику 1550 г. каралось самоуправство местных судей, проявлявшееся в применении к осужденному санкций за тяжкое преступление в отсутствие утвержденного судебного решения.

Устанавливалась ответственность за фальсификацию (подлог) судебных документов, совершенную за взятку (ст. 4, 5). Дьяк, составивший за взятку подложный протокол судебного заседания либо неправильно записавший показания сторон или свидетелей, уплачивал половину суммы иска. Другую половину возмещал боярин, который, будучи высшим по должности лицом, должен был следить за своим подчиненным. Дьяк, кроме того, подлежал тюремному заключению, подьячий за то же преступление подвергался торговой казни. Согласно ст. 53 Судебника, за отпуск (в результате получения взятки) задержанных, находящихся под следствием, недельщик (должностное лицо, на которое возлагалась обязанность поимки татей и разбойников) возмещал истцу причиненный ущерб, подвергался торговой казни и предварительному тюремному заключению до определения наказания государем.

В Судебнике 1550 г. мы уже видим нормы, направленные на охрану субъектов судопроизводства. Одни защищали честь, достоинство и репутацию, другие обеспечивали безопасность жизни и здоровья указанных лиц. Устанавливалась ответственность за продажу недельщиком татя (вора, грабителя) без боярского и дьячего в холопы (ст. 54). По сути, запрещался самосуд, охранялись, хоть и незначительно, права обвиняемого. Самоуправство со стороны местных судей («кормленщиков»), проявлявшееся в применении санкций к осужденному за тяжкие преступления («татю, душегубцу и всякому лихому человеку») без утверждения судебного решения («без доклада»), наказывалось возмещением убытков в двойном размере и тюремным заключением (ст. 71).

Таким образом, несмотря на то, что сам процесс судебного разбирательства был далек от цивилизованного и нередко представлял угрозу для жизни его участников, в XV–XVI вв. создается определенная совокупность правовых норм, запрещающих ряд злоупотреблений судебных чиновников. Начинают проявляться справедливое правосудие и соблюдение прав личности в процессе его осуществления [2, с. 11].

Для Соборного Уложения 1649 г. характерно увеличение норм, призванных обеспечить охрану личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство. Так, судья, вынесший за взятку неправильное решение, подлежал уголовному наказанию: у боярина, окольничего и думного человека за это преступление надлежало «отнять честь». Если же судья, вынесший неправосудный приговор «по посулам, или по дружбе, или по недружбе», был не из думных людей, то он подвергался торговой казни («бити их кнутом нещадно»). В статье 10 (глава X) Соборного Уложения предусматривалась ответственность ошибшегося судьи, «что государь укажет». В статье 12 (глава X) идет речь о таком правонарушении, как фальсификация. Судья привлекался к ответственности за умышленную волокиту и отказ в разбирательстве дела с целью вымогательства взятки.

Эпоха Петра I характеризуется заменой состязательного процесса розыскным, и теперь опасность начала исходит не от противоположной стороны, а от государственных чиновников, осуществлявших расследование. Несмотря на то, что именно в это время действовал принцип «лучше есть десять виновных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить», царницей доказательств в то время считалось признание, а пытка служила лучшим способом его получения. Пытка как средство получения признания считалась правомерной и по отношению к свидетелю.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. было дано более подробное описание преступных нарушений в сфере уголовного судопроизводства.

В отделении первом «О преступлениях и поступках чиновников при следствии и суде» гл. XI содержались уголовно-правовые нормы о неисполнении чиновником, производящим следствие, предписанных для него процессуальных норм, правил и форм (ст. 456); принуждении

обвиняемого к признанию или свидетеля к даче показания (ст. 462; незаконной медлительности в производстве следствия (ст. 461) и т.п. К преступлениям, совершаемым по службе государственной или общественной, относились: попустительство преступлению (ст. 643); проведение обыска, осмотра, выемки с нарушением предусмотренного порядка (ст. 650); постановление заведомо неправосудного решения (ст. 675) и т.д.

В гл. IV пятого раздела «О подлогах по службе» предусматривается ответственность за должностной подлог. Предусматривается ответственность за превышение власти, выразившись в противозаконном действии или бездействии с целью совершить преступление или «попустить» его (ст. 371); содержится запрет «при отправлении должности употреблять какого-либо рода истязания и жестокости» (ст. 374); и даже оговаривался специальный случай ответственности «за взятие под стражу с нарушением установленного порядка» (ст. 377). Статья 378 предусматривает ответственность за «незаконный арест и выемку» и «незаконные действия при производстве обыска и выемки». Должностным лицам категорически возбранялось незаконно досматривать корреспонденцию (ст. 379), использовать казенные или частные по службе вверенные вещи, денежные суммы, банковские билет, облигации» (ст. 383).

В гл. V пятого раздела, получившей наименование «О неправосудии», перечисляются следующие составы: неправосудное умышленное или ошибочное постановление приговора или решения по делу (ст. 394 и 398); незаконное освобождение от наказания и необоснованное его смягчение (ст. 396); неумышленное вынесение неправосудного решения (ст. 397); назначение чрезмерно сурового наказания из корыстных или иных личных видов (ст. 395).

Уложение 1845 г., в отличие от предшествующих правовых памятников, предусматривало охрану и других субъектов уголовного процесса: потерпевших, свидетелей и иных лиц, вовлекаемых в судопроизводство. В юридической литературе отмечается, что «есть все основания констатировать, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. регламентировало сбалансированный, по сравнению с предыдущими источниками уголовного права, механизм охраны субъектов уголовного процесса, выступающий важной гарантией осуществления правосудия в тот исторический период» [3, с. 124].

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. закреплял принцип презумпции невиновности. Статья 405 Устава запрещала следователю «домогаться сознания обвиняемого ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами или тому подобными мерами вымогательства». Следователь должен был расследовать дело беспристрастно, собирать как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого доказательства.

В Уголовном уложении 1903 г. предусматривалась ответственность за фальсификацию доказательств; за попустительство преступлению; за проведение обыска, осмотра, выемки с нарушением предусмотренного порядка; за постановление заведомо неправосудного решения и т.д.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что преступные нарушения в сфере уголовного судопроизводства, в том числе и преступные нарушения прав человека, существуют с давних пор. Они присущи как судопроизводству, основанному на обычаях, суевериях, так и судопроизводству, основанному на законах.

Определенная совокупность правовых норм, обеспечивающих соблюдение прав личности в уголовном судопроизводстве, появляется в XV–XVI вв. Но основы безопасности личности, в том числе и от посягательств самого государства, были созданы с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Происходило постепенное повышение значимости личности в уголовном судопроизводстве, что находило воплощение в уголовном законодательстве того времени. И до установления Советской власти сложилась достаточно эффективная система уголовно-правовых средств защиты прав личности в сфере уголовного судопроизводства.

Таким образом, «к началу XX столетия в уголовном праве Российского государства складывается система уголовно-правовых норм, направленных на обеспечение правильной деятельности органов, отправляющих правосудие, закладываются принципы защиты законных интересов любых участников уголовного судопроизводства...» [4, с. 14].

Ссылки:

1. Афонин М.В. Права человека. Ярославль, 2005.
2. Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. М., 2005.
3. Дворянсков И.В. Судебная власть и ее уголовно-правовая охрана. М., 2009.
4. Преступления против правосудия / Под ред. А.В. Галаховой. М., 2005.

References (transliterated):

1. Afonin M.V. Prava cheloveka. Yaroslavl', 2005.
2. Prestupleniya protiv pravosudiya / pod red. A.V. Galakhvoy. M., 2005.
3. Dvoryanskov I.V. Sudebnaya vlast' i yeye ugovovno-pravovaya okhrana. M., 2009.
4. Prestupleniya protiv pravosudiya / Pod red. A.V. Galakhvoy. M., 2005.